

СОСЕД НА ЭКСТРЕННЫЙ СЛУЧАЙ

СОНА СКОФИЛД

Сона Скофилд

Сосед на экстренный случай

«Автор»

2026

Скофилд С.

Сосед на экстренный случай / С. Скофилд — «Автор», 2026

Самый надежный мужчина в моей жизни живет в квартире напротив. Проблема в том, что я никогда не собиралась впускать его дальше прихожей. Когда отец моего сына снова не успевает забрать его из продленки, школа не может отпустить девятилетнего Костю с соседом. Так Артем Лавров, разведенный отец Костиной одноклассницы, появляется в списке доверенных взрослых — строго на экстренный случай. Но одно разрешение быстро превращается в общий календарь, школьный проект наших детей, ужины на две квартиры и свидание, для которого уже нет практического оправдания. Артем привык решать проблемы раньше, чем его попросят. Я привыкла составлять правила раньше, чем признаюсь, что боюсь. Нашим детям нужна надежность, бывшим супругам — честные границы, а нам предстоит понять, можно ли выбрать друг друга, не отнимая у детей их дома и у бывших супругов место родителей. Он умеет приходить вовремя. Но сумеем ли мы остановиться, когда забота снова станет контролем?

© Скофилд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний ребенок в группе	5
Глава 2. Два заявления	12
Глава 3. Чужая дочь за моим столом	20
Глава 4. Помощь с измененным адресом	28
Глава 5. Город в масштабе	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сона Скофилд

Сосед на экстренный случай

Глава 1. Последний ребенок в группе

В пятницу в половине шестого я стояла у раскрытого транспортного ящика и считала винты на крепежной раме, когда позвонил Павел.

В обычный день я ответила бы после приемки. В этот вечер он должен был забрать Костю из продленки, поэтому телефон я держала на краю рабочего стола экраном вверх.

— Только не говори, что забыл, — сказала я вместо приветствия.

— Не забыл. Нас не выпускают с площадки. Испытание пришлось остановить, начальник требует повторный запуск.

За его спиной работало оборудование. Павел отошел, но шум не исчез, только стал глуше.

— Продленка до семи.

— Я знаю.

— Сейчас пять тридцать четыре. От вашего объекта до города минимум час двадцать.

— Я тоже умею смотреть на время, Надь.

Я закрыла глаза на одну секунду. Передо мной лежал акт приема, за столом ждал представитель владельца коллекции, а двое грузчиков снимали защитную пленку с внутренней части ящика. Экспонат привезли на сорок минут позже согласованного срока. Если я сейчас уйду, подпись должен будет поставить человек, которого мы заранее внесли в страховые документы. Зоя числилась моим заместителем по проекту, но на приемку именно этого предмета ее не заявляли.

— Когда ты понял, что не успеешь?

Павел ответил не сразу.

— Минут двадцать назад.

— Почему звонишь сейчас?

— Надеюсь, что запуск все-таки разрешат.

Вот так выглядела одна из причин нашего развода. Не предательство и не громкий скандал. Павел ждал, пока проблема перестанет быть вероятностью и станет моей срочной задачей.

Я не стала напоминать ему об этом. За четыре года мы научились спорить только о том, что можно изменить.

— Позвони Косте, предупреди его сам. Я свяжусь со школой.

— Может, попросить твою маму?

— Она на даче у сестры. Вернется в воскресенье.

— Тогда, может, он сам дойдет? Там двенадцать минут.

— Из группы его одного не отпустят. Мы это уже обсуждали.

— Хорошо. Я позвоню ему.

— И напиши мне, во сколько закончите.

Я завершила разговор и посмотрела на часы. Пять тридцать семь.

— Что случилось? — спросила Зоя.

Она стояла у второго стола и вносила в опись маркировку с упаковочной ткани. За два года совместной работы Зоя научилась различать мои рабочие паузы. Если я молчала и смотрела на документ, значит проверяла. Если смотрела на часы, значит меняла план.

— Костю некому забрать. Я закончу внешний осмотр, подпишу акт и уеду. Ты останешься на фотофиксацию.

— Я могу принять все целиком.

— Не можешь. Тебя нет в приложении к страховке.

— Я помню. Но фото и контроль креплений могу сделать без тебя.

— Поэтому ты их и сделаешь. Если увидишь повреждение, ничего не подписывай и звони мне.

Зоя положила карандаш рядом с описью.

— Надежда Викторовна, я знаю порядок.

Форма обращения прозвучала намеренно. Обычно наедине мы обходились именами.

— Знаешь, — согласилась я. — Сейчас пришлю тебе список кадров.

— Список уже в общей папке.

Я посмотрела на нее, потом убрала телефон в карман.

— Тогда работаем.

Представитель владельца коллекции, Борис Леонидович, терпеливо ждал у окна. Он приехал вместе с ящиком и имел полное право требовать соблюдения каждой строки договора. Мне оставалось проверить состояние предмета, сверить номер пломбы и зафиксировать передачу в музейное хранение. Если бы груз прибыл вовремя, к пяти все было бы закончено.

Я позвонила в школу, пока сотрудник хранилища снимал последнюю защитную прокладку.

— Группа продленного дня, Марина Юрьевна слушает.

— Добрый вечер. Это мама Кости Сорокина, третий «Б». У нас изменился человек, который должен был его забрать. Я буду сама, но могу задержаться до половины седьмого.

— Костя здесь, не волнуйтесь. Только у нас сегодня дежурная смена до семи, после семи здание закрывают.

— Я успею. Если дорога встанет, перезвоню.

— Хорошо. Тут еще Лиза Лаврова, ее папа уже подъехал. Они с Костей сидят вместе.

Фамилию я знала. Лавровы жили в квартире напротив нашей, а Лиза училась с Костей с первого класса. С ее отцом мы встречались у лифта, спорили из-за оставленного в общем холле самоката и несколько раз получали посылки друг друга. Этого было достаточно, чтобы здороваться, но недостаточно, чтобы просить о помощи.

— Передайте Косте, что я еду сразу после приемки.

— Передам.

Я вернулась к ящику. Предметом, ради которого мы задержались, была деревянная вывеска мастерской конца шестидесятых годов. Ее нашли во время ремонта старого здания, очистили только от поверхностной пыли и передали музею для будущей выставки. Я проверила трещину на правой букве, уже отмеченную в исходной описи, затем сравнила четыре контрольных фотографии.

— Состояние соответствует, — сказала я Борису Леонидовичу. — Новых повреждений нет. Зоя закончит общий вид после установки на временную раму.

— Вы уезжаете?

— После подписания акта.

Он снял очки и протер стекла салфеткой.

— Подпись в спешке меня беспокоит.

— Меня тоже. Поэтому я не подписываю в спешке.

Я перечитала акт от начала до конца, исправила номер одного приложения и передала документ ему. Борис Леонидович проверил исправление, поставил подпись и время. Было пять пятьдесят восемь.

До остановки я дошла за четыре минуты. Трамвай появился почти сразу, но у перекрестка возле вокзала встал в общей очереди. Я следила за маршрутом на экране и знала, что быстрее уже не будет: машина в пятничный вечер потратила бы больше времени, а до метро отсюда нужно было идти назад.

Павел прислал сообщение: «С Костей поговорил. Пока не отпускают. Прости».

Я набрала: «Напиши ему еще раз перед семью, если будете продолжать».

Он ответил коротким «да».

Следом пришло сообщение с незнакомого номера.

«Добрый вечер. Артем Лавров. Мы с Лизой в школе. Костя с нами, Марина Юрьевна в курсе. Если разрешите забрать его, можем прийти вместе».

Я прочитала дважды. Предложение было разумным, но выполнить его школа не могла. Артем не значился в моем заявлении, а разрешение по телефону не заменяло установленный порядок.

«Спасибо. Без письменного заявления его не отдадут. Я буду примерно в 18:35».

Ответ появился через минуту.

«Понял. Подождем».

Я хотела написать, что ждать не нужно. Костя находился с сотрудником группы, школа еще работала, а Лизе незачем было сидеть там лишние сорок минут. Но сообщение уже сообщало о решении Артема, а спорить с ним из трамвая означало потратить время без результата.

«Лиза может идти домой. Костя останется с Мариной Юрьевной».

«Лиза хочет закончить с ним схему для урока. Мы не мешаем».

Я убрала телефон. Артем не просил благодарности и не утверждал, что спасает моего сына. Это не отменяло того, что он опять решил за себя и дочь быстрее, чем я успела возразить.

В школу я вошла в шесть сорок две. Вахтер уже выключил один ряд света в холле и складывал журналы в нижний ящик стола. Я показала пропуск и поднялась на второй этаж.

Дверь группы была открыта. Костя и Лиза сидели за последней партой у окна. Между ними лежал лист в клетку с планом какого-то двора. Лиза рисовала круги зеленым карандашом, Костя измерял линейкой расстояние между ними.

Артем устроился за соседней партой с ноутбуком. На нем была темно-синяя рубашка с закатанными рукавами и обычные серые брюки. Пиджак висел на спинке стула. Он работал в очках, которых я раньше не видела, и не вмешивался в детский спор.

— Если здесь будет дерево, дорожка станет уже, — сказал Костя.

— Зато будет тень, — возразила Лиза.

— Тень можно сделать с другой стороны.

— Там парковка.

— Ее вообще можно убрать.

— Мой папа сказал, что нельзя просто взять и убрать парковку.

Артем поднял голову от экрана.

— Твой папа сказал, что у любого решения будут последствия. Парковку убрать можно.

Потом нужно решить, куда люди поставят машины.

— Вот, — удовлетворенно сказала Лиза. — Значит, нельзя.

— Это не одно и то же, — ответил Костя.

Я остановилась у двери. Сын первым заметил меня и сразу проверил часы над доской.

— Ты успела.

— Как обещала.

Он собрал линейку и карандаши в пенал. В его голосе не было обиды, но это пока ничего не значило. Костя редко начинал важный разговор при посторонних.

Марина Юрьевна вышла из маленького кабинета за учительским столом.

— Надежда Викторовна, добрый вечер. Распишитесь, пожалуйста. И на будущее обновите список доверенных взрослых. У Кости указан только папа и бабушка.

— Обновлю.

— Сегодня все хорошо, но в другой раз может не оказаться родителей одноклассников, готовых ждать.

Я поставила время и подпись в журнале.

— Я понимаю.

— Артем Михайлович предложил забрать Костю, но без вашего заявления я не могла его отпустить.

— Вы сделали правильно.

Артем закрыл ноутбук.

— Я уже получил официальный отказ, — сказал он. — Дважды.

— Второй раз для надежности, — заметила Марина Юрьевна.

Лиза рассмеялась. Костя застегнул рюкзак и подошел ко мне.

— Папа приедет завтра?

— Я пока не знаю. Он напишет, когда закончит работу.

— Он сказал, что может поздно.

— Тогда утром договоритесь о новом времени.

Костя кивнул и посмотрел на свой рисунок, оставшийся у Лизы.

— Я сфотографирую, — сказала она. — Потом пришлю.

— Только ровно, сверху.

— Я умею фотографировать.

— В прошлый раз половина листа не попала.

— Потому что ты держал руку.

— Договаривайте по дороге, — сказал Артем и надел пиджак.

Мы вышли из школы вчетвером. Дождь закончился, асфальт еще блестел под фонарями, а у входа собрались мелкие лужи. Костя и Лиза пошли впереди, продолжая спорить о фотографии. До дома вел прямой тротуар вдоль школьного забора, затем нужно было перейти одну регулируемую улицу.

— Спасибо, что остались, — сказала я.

— Не за что. Лиза действительно хотела закончить схему.

— Вы могли оставить ее с Костей и Мариной Юрьевой.

— Мог. Но у меня оставалась работа, а здесь был стол и интернет.

Ответ мне понравился больше, чем возможная речь о взаимовыручке. Он не выдавал обычное решение за подвиг.

— Тогда спасибо за сообщение.

— Вот за него можно. Ваш номер дала учительница после того, как спросила разрешение у Кости.

— Костя не может разрешать передачу моего номера.

Артем посмотрел на меня.

— Поэтому Марина Юрьевна сначала позвонила вам. Вы сказали, что можно связаться через классный список.

Я вспомнила разговор в трамвае. После просьбы передать сообщение учительница спросила, может ли дать мой контакт отцу Лизы, если потребуется. Я ответила «да», одновременно сверяясь с картой.

— Верно, — признала я. — Сказала.

— Вы всегда сначала предъявляете претензию, а потом проверяете?

— На работе наоборот.

— Значит, мне досталась домашняя версия.

— Вам пока ничего не досталось.

Он улыбнулся, но не стал продолжать. На переходе Артем остановил Лизу, которая шагнула к краю тротуара до зеленого сигнала. Он не схватил ее и не повысил голос, просто назвал по имени. Девочка вернулась на полшага и дождалась остальных.

Костя шел рядом со мной молча. Когда мы вошли во двор, я спросила:

- Ты ужинал?
- Марина Юрьевна дала печенье.
- Это не ужин.
- Я знаю.
- Дома есть суп и котлеты. Что будешь?
- Котлету. И макароны, если остались.
- Остались.
- Можно я сначала позвоню папе?
- Конечно.

Лиза обернулась.

- А можно мы завтра доделаем план?

Костя посмотрел на меня. Я открыла календарь в телефоне.

— До двенадцати у него английский. После двух он должен быть с папой, если Павел вернется.

- Мы можем в двенадцать пятнадцать, — быстро предложила Лиза.
- На час, — добавил Костя. — Нам только дорожки.
- Договоритесь утром, когда будет понятно с папой.
- Хорошо, — сказал сын.

В подъезде дети вошли в лифт первыми. Мы с Артемом остановились у почтовых ящиков, потому что он достал из одного мой каталог выставочного оборудования.

- Опять перепутали, — сказал он.
- В номерах квартир одна цифра разницы.
- Курьеру это можно объяснить. Почтальону, видимо, уже поздно.

Он передал каталог мне. Я проверила адрес: квартира восемьдесят четвертая, моя. Артем жил в восемьдесят пятой.

— Школа права насчет списка, — сказал он, пока лифт спускался. — Вам нужен человек поблизости.

- У меня есть мама.
- Которая сегодня на даче.
- Не каждую неделю.
- А работа у вашего бывшего, судя по всему, может закончиться позже обещанного не один раз.

- Вы очень быстро составили мнение о человеке, которого не знаете.
- Я составил мнение о сегодняшнем расписании.

Лифт открылся. Дети уже нажали кнопку нашего этажа. Мы вошли, и разговор пришлось прекратить. Костя стоял перед панелью, Лиза рассматривала фотографию схемы и пыталась обрезать лишний край.

На седьмом этаже мы разошлись к дверям напротив. Костя уже снял рюкзак и ждал, пока я открою квартиру.

- Надежда Викторовна, — позвал Артем.
- Я обернулась.
- Что?
- Если решите добавить меня в список, сделаем взаимно.
- Зачем вам я?

Лиза перестала искать ключи и посмотрела на отца.

— Потому что мама в другом районе, бабушка живет за городом, а я в прошлый вторник приехал за три минуты до закрытия, — ответил он. — Сегодня я ждал с вашим сыном. В следующий раз вы можете ждать с моей дочерью.

В его предложении не было ничего личного. Две квартиры, двое детей, одна школа и взрослые, чьи рабочие дни иногда заканчивались позже школьного расписания.

Именно поэтому отказать сразу не получилось.

— Обсудим утром, — сказала я.

— Это уже лучше, чем нет.

— Это не да.

— Я умею различать.

Он открыл свою дверь, пропустил Лизу и вошел следом.

Костя потянул меня за рукав.

— Мам, а если Артем Михайлович будет в списке, мне можно будет идти с Лизой?

— Только когда я попрошу его тебя забрать.

— Я понял.

Он не стал уговаривать. Зашел в квартиру, поставил рюкзак на полку и отправился мыть руки. Я закрыла дверь и повесила куртку.

На кухне Костя поставил телефон у тарелки и набрал отца. Павел ответил с четвертого сигнала.

— Мы закончили, — сообщил он. — Сейчас едем на базу, потом домой. Прости, что сегодня не получилось.

— Ты завтра придешь?

— Конечно. Давай после обеда.

Я положила котлету на сковороду и повернулась к телефону.

— Во сколько именно?

— Надя, я еще даже не знаю, во сколько проснусь.

— Поэтому не обещай «после обеда». Костя договорится с Лизой, а потом будет ждать тебя.

Сын передвинул стакан с водой ближе к тарелке. Он не смотрел ни на меня, ни на экран.

— Хорошо, — сказал Павел уже иначе. — Кость, я напишу тебе до десяти. Если буду в состоянии приехать к двум, заберу. Если нет, увидимся в воскресенье и проведем весь день вместе. Так подходит?

Костя подумал.

— Подходит. Только не после десяти. У меня английский.

— Тогда в девять тридцать.

— Ладно.

Они поговорили еще несколько минут о запуске оборудования. Павел объяснял без профессиональных подробностей, Костя задавал вопросы, на которые действительно хотел получить ответы. Я выложила макароны в миску и не вмешивалась. Павел мог быть внимательным отцом. Его опоздания и поздние сообщения этого не отменяли, как хорошие намерения не отменяли последствий.

После разговора Костя съел половину котлеты и спросил:

— Ты сердишься на папу?

— Да. Он мог предупредить раньше.

— А на меня?

— За что?

— Потому что тебе пришлось уехать с работы.

Я отложила вилку. Сын задал вопрос буднично, но слишком быстро принял на себя место в цепочке чужих решений.

— Я уехала, потому что я твоя мама и сегодня должна была тебя забрать вместо папы. Это моя обязанность, а не твоя вина.

— Но вывеску вы уже приняли?

— Приняли. Зоя закончила фотографии.

— Ты проверила?

— Еще нет.

— А если она плохо сняла?

Я посмотрела на него внимательнее. Иногда дети возвращали взрослым их собственные слова точнее любого спора.

— Тогда утром попрошу переснять. Но Зоя умеет работать, и я дала ей все данные.

— Значит, нормально.

— Скорее всего.

Телефон сообщил о новом письме. Зоя прислала ссылку на папку, итоговую опись и одну строку: «Рама установлена, повреждений нет, Борис Леонидович замечаний не оставил».

Я просмотрела первые снимки. Общий вид, крепления, контрольная трещина, маркировка. Все было сделано в нужной последовательности.

— Нормально, — подтвердила я.

Костя доел и отнес тарелку в раковину.

— Можно я напишу Лизе про дорожки?

— Десять минут, потом душ и спать.

— Сейчас только восемь.

— Ты был в школе почти одиннадцать часов.

— Не одиннадцать. Мы пришли в восемь двадцать.

— Десять минут, Костя.

Он ушел в комнату без дальнейшего торга. Я убрала еду, ответила Зое и только потом вернулась в прихожую.

В календаре у зеркала были музей, английский, дни Павла, стоматолог, оплата ипотеки и школьное собрание. Свободного места хватало. Человека, которому я готова была доверить сына в непредусмотренный час, в расписании не было.

До сегодняшнего вечера мне казалось, что это не проблема.

Глава 2. Два заявления

В субботу в десять утра Павел написал Косте, что приедет к двум. В десять две минуты Лиза позвонила в нашу дверь с листом схемы под мышкой.

— Папа сказал, сначала спросить, — сообщила она. — Можно мы у вас будем делать? У нас Тимур Николаевич на видеосвязи, они с папой обсуждают стулья и ругаются про спинки.

— Они не ругаются, — донеслось с площадки.

Артем стоял у своей открытой двери с кружкой в руке. Он был в футболке и домашних брюках, без вчерашнего пиджака и очков. За его спиной слышался мужской голос из ноутбука: кто-то доказывал, что новую форму нельзя запускать в производство до повторного теста.

— Тимур Николаевич говорит громко, — уточнила Лиза.

— Это его рабочая громкость.

— А твоя какая?

— Моя сейчас закончится, если ты не дашь мне вернуться к разговору.

Лиза повернулась ко мне.

— Так можно?

— На час. Костя закончит завтрак и позовет тебя.

— Я уже закончил! — крикнул сын из кухни.

— Тогда сначала убери тарелку.

Лиза прошла в квартиру, сняла кроссовки и аккуратно поставила их у стены. Артем задержался на пороге.

— Я освобожусь минут через сорок. После этого обсудим школу?

— Обсудим.

— У вас или у меня?

— В коридоре.

— Серьезный уровень доверия.

— Зато никому не придется приглашать соседа в дом ради заполнения заявления.

— Мы вчера вместе ждали ваших детей в школьном кабинете.

— Именно поэтому я знаю, что стол для разговора не обязателен.

Он отпил кофе.

— Хорошо. В одиннадцать в коридоре.

— В одиннадцать десять. Вы сказали сорок минут.

— Надежда Викторовна, вы сверяете время даже в чужой приблизительной фразе?

— Если она касается моего утра.

— Тогда в одиннадцать десять.

Он закрыл дверь. Я вернулась на кухню и увидела, что Костя оставил тарелку в раковине, но не включил воду.

— Убрать тарелку означает еще и сполоснуть.

— Я забыл.

— Вернись.

Лиза уже разложила карандаши на столе. Она ждала молча, пока Костя закончит, хотя по тому, как быстро постукивала ногтем по линейке, терпение давалось ей с усилием.

— Нам надо решить с парковкой, — сказала она, когда он сел. — Если убрать две машины, влезет дорожка и дерево.

— Машины нельзя делить пополам.

— Я не делю. Я убираю два места.

— Куда?

— За дом.

— Там мусорная площадка.

— Тогда мусорку в другое место.

Костя посмотрел на меня.

— Мам, а куда можно перенести мусорную площадку?

— Это ваш план. Сначала выясните, какие места вообще нужны во дворе, потом решайте, что можно двигать.

— Папа бы нарисовал, — сказала Лиза.

— Поэтому вы работаете у нас, — ответил Костя. — Чтобы он не нарисовал.

Я сделала вид, что занята чайником. Формулировка сына была грубоватой, но точной: если двое взрослых с профессиональной привычкой к схемам сядут рядом, детская работа закончится в тот же вечер.

В одиннадцать восемь Артем прислал сообщение: «Освободился. Выходить?»

Я ответила: «Да».

Мы встретились между дверями. Он принес школьную памятку, выданную в начале года, и ручку. Я взяла блокнот с выписанными условиями.

— Вы подготовили повестку? — спросил он.

— Четыре пункта.

— Конечно.

— Если вы собираетесь комментировать каждый, разговор займет дольше.

— Начинайте.

Я открыла блокнот.

— Первое. Разрешение действует только на получение ребенка из школы и сопровождение домой.

— Согласен.

— Второе. Перед тем как забрать ребенка, мы подтверждаем это сообщением. Если школа звонит срочно, пишем сразу после звонка.

— Тоже согласен. Но если вы не отвечаете десять минут, а группа закрывается?

— Звоните.

— Если не берете?

— Тогда забираете после сообщения, если школа уже связалась со мной или Павлом и получила подтверждение.

— Это школа и так сделает.

— Значит, условие не создаст сложности.

Он провел большим пальцем по краю школьной памятки.

— Продолжайте.

— Третье. Ребенка ведут домой. Изменить место можно только после согласования.

— Если дома авария?

— Тогда это и будет причина согласовать другое место.

— Если у вас не работает телефон?

— Звоните второму родителю.

— Вы планируете все случаи перечислить?

— Нет. Я планирую определить порядок.

Он несколько секунд смотрел на записи, потом кивнул.

— Порядок понятен. Четвертое?

— Мы не даем детям лекарства, не принимаем решения о врачах и не разрешаем уходить к друзьям. При любой проблеме звоним родителю.

— Про лекарства и врача очевидно.

— Я рада.

— А пластырь можно?

— Можно.

— Воду?

— Артем Михайлович.

— Вы начали.

Я закрыла блокнот.

— Теперь ваши условия.

Он явно не ожидал, что я их предложу. Пауза вышла короткой, но заметной.

— Хорошо. Первое: просьба не означает, что второй обязан согласиться. Если я не могу забрать Костю, вы принимаете ответ без выяснения, насколько причина уважительная.

— Если вы обещали заранее, а потом отказались, причина влияет на будущие договоренности.

— Влияет. Но в момент отказа у нас нет времени проводить проверку.

— Принимается.

— Второе: если просьба не срочная, предупреждаем хотя бы за полчаса. Лучше раньше.

— Согласна.

— Третье: расходы на еду или проезд до дома никто не считает долгом. Все, что дороже обычного ужина или поездки, согласовываем.

Я открыла блокнот снова и записала.

— Это разумно.

— Спасибо. Мне важно ваше заключение.

— Вам важно, чтобы я перестала считать вас человеком, который сначала делает, потом сообщает.

— Вчера я ничего не сделал без сообщения.

— Вчера вы решили ждать с Лизой, хотя я предложила ей идти домой.

— Решение о Лизе принимаю я.

Я подняла глаза от записи.

— Верно.

Он тоже понял, куда пришел разговор, и улыбнулся без торжества.

— Значит, мы уже чему-то научились.

— Не преувеличивайте.

— Запишите отдельным пунктом.

Из моей квартиры донесся спор. Лиза обвиняла Костю в том, что он стер дерево вместе с частью дорожки. Костя отвечал, что она нажала на карандаш слишком сильно.

— Хотите вмешаться? — спросил Артем.

— Пока нет.

— Я тоже.

Мы постояли еще несколько секунд. Дети снизили голос и начали обсуждать, как восстановить линию. Артем свернул памятку.

— В школе есть форма. В понедельник заполним.

— Сначала я поговорю с Павлом.

— Я с Оксаной уже говорил утром.

— И что она сказала?

— Что хочет знать ваш номер и увидеть формулировку заявления.

— Это нормально.

— Я не утверждал обратного.

— Вы произнесли так, словно ждали возражения.

— Я еще не привык, что вы встаете на сторону моей бывшей жены.

— У нас нет сторон. Есть родители двух детей.

— Передам ей вашу формулировку.

- Не нужно. Пусть спросит сама, если захочет.
- Вы только что запретили мне быть посредником?
- Предложила прямую связь.
- Формулировка имеет значение?
- Всегда.

В половине второго приехал Павел. Он выглядел уставшим, но выбрился и привез Косте две булочки из пекарни возле базы. Сын встретил его без обиды, показал схему и за пять минут пересказал весь спор о парковке.

- Готов ехать? — спросил Павел.
- Сейчас. Мы уже закончили.

Лиза собрала карандаши и ушла домой. Я дождалась, пока Костя наденет куртку, и попросила Павла задержаться на кухне.

- Я хочу добавить Артема Лаврова в школьный список, — сказала я.

Павел положил ключи на стол.

- Соседа?
- Отца Лизы. Он живет напротив, дети в одном классе. Разрешение будет взаимным.
- И как давно вы это придумали?
- Вчера, после того как ты не успел приехать и сообщил об этом за час до закрытия.

Он потер ладонью щеку. Костя стоял в прихожей, поэтому мы оба говорили тише обычного.

- Я не специально задержался.
- Я знаю. Если бы специально, мы обсуждали бы другое. Мне нужен человек, который физически может дойти до школы за двенадцать минут.
- А твоя мама?
- Живет в сорока минутах и не всегда в городе.
- Можно было добавить меня и твою маму, как сейчас.
- Ты уже добавлен. Вчера это не помогло.

Павел отодвинул стул и сел.

- Что именно ему разрешат?

Я передала блокнот. Он прочитал все пункты, включая условия Артема.

- Вы уже успели составить договор.
- Это не договор. Школе подадим обычное заявление.
- Он будет кормить Костю, возить куда-то?
- Только домой. Еда возможна, если мы задерживаемся и согласовали.
- А если я должен забрать сына, а Лавров уже его увел?
- Такого не будет, если мы сообщаем об изменениях. Я хочу создать общий календарь

на случай школьных передач.

- С ним?
 - С тобой, Оксаной и Артемом. Только расписание детей, без нашей личной жизни.
- Павел снова посмотрел на записи.
- Костя его знает?
 - Три года. Они живут напротив.
 - Знать соседа и уходить с ним из школы не одно и то же.
 - Поэтому я спрашиваю тебя до подачи заявления.

Он поднялся и прошел к двери. Я решила, что разговор закончен, но Павел остановился у порога кухни.

— Если Костя согласен, я не против. Только когда я обещал приехать, не меняй меня на более удобного человека без сообщения.

Фраза была сказана о расписании, но слово «меня» относилось не только к поездке из школы.

— Не буду. И ты не обещаю Косте время, которого еще не знаешь.

— Договорились.

В прихожей Костя застегивал куртку.

— Вы про Артема Михайловича?

— Про школьный список, — ответил Павел. — Ты нормально с ним дойдешь, если мама попросит?

— Конечно. Он не разрешает переходить на красный и всегда проверяет, закрылся ли лифт.

Павел посмотрел на меня.

— Исчерпывающая рекомендация.

— Мне хватает, — сказал Костя.

Они ушли. Я отправила Артему сообщение: «Павел согласен. В понедельник заполняем формы».

Он ответил фотографией большого пальца Лизы, испачканного зеленым карандашом, и подписью: «Вторая сторона тоже согласна. Оксана напишет вам сама».

Через пять минут пришел новый контакт.

«Добрый день. Оксана Белова, мама Лизы. Артем объяснил про взаимное разрешение. Я не возражаю, если обо всех случаях, когда вы забираете Лизу, я буду узнавать одновременно с ним».

Я набрала ответ, перечитала и убрала лишнее объяснение.

«Добрый день. Согласна. Предлагаю отдельный чат только для расписания и срочных сообщений. Решения о Лизе остаются за вами и Артемом».

Оксана ответила почти сразу.

«Подходит. Спасибо, что написали прямо».

В воскресенье мы с Артемом обменялись паспортными данными для школьных заявлений. Он прислал фотографию нужной страницы, предварительно закрыл серию и номер на второй копии, которую планировал оставить в своем телефоне. Я сделала так же. После этого создала чат с названием «Школа: Костя и Лиза» и добавила четырех взрослых.

Павел первым написал расписание на следующую неделю. Оксана отметила вторник и выходные. Артем добавил две встречи с клиентами, во время которых мог не отвечать. Я внесла монтаж в музей и английский Кости.

Календарь не стал гарантией. Он только показал, сколько решений до этого существовали отдельно в четырех телефонах.

Около шести вечера я вынесла мусор и встретила на площадке женщину в светлом плаще. Она стояла у двери Артема с дорожной сумкой Лизы и набирала номер. Ростом она была немного ниже меня, темные волосы собраны в гладкий хвост. Рядом ждала Лиза в куртке и с рюкзаком.

— Мам, это Надежда Викторовна, — сказала девочка. — Костина мама.

Женщина убрала телефон.

— Оксана. Мы переписывались.

— Добрый вечер.

Мы пожали руки. Лиза снова нажала кнопку звонка.

— Папа пылесосит, — объяснила она. — Он не слышит.

За дверью действительно работал пылесос. Оксана посмотрела на мою дверь, потом на соседнюю.

— Вы и правда живете напротив.

— Три года.

— Лиза говорила, но я представляла другой подъезд.

— Другой подъезд был у нас до второго класса, — вмешалась Лиза. — Мы тогда жили с мамой по понедельникам и вторникам.

Оксана поправила ремень ее рюкзака.

— Я помню, где мы жили.

Дверь наконец открылась. Артем держал в руке шланг пылесоса.

— Почему не позвонили?

— Звонили, — одновременно ответили Оксана и Лиза.

— Тогда виноват технический шум. Заходите.

Он отступил, но Оксана не двинулась.

— Мы на минуту. Я привезла вещи на неделю и хотела познакомиться с Надеждой лично.

— Уже познакомились, — сказала Лиза.

Оксана посмотрела на дочь.

— Нам нужно поговорить со взрослыми. Зайди к папе.

Лиза без спора прошла в квартиру. Артем оставил дверь открытой и прислонил шланг к стене.

— Что-то не так? — спросил он.

— Я не сказала, что не так. Я хочу понимать порядок. Если Надежда забирает Лизу, кто сообщает мне?

— Тот, кого первым вызвала школа, — ответил Артем. — Мы уже записали в правила.

— В чате записано «сообщаем обоим родителям». Я спрашиваю, кто именно.

— Я, если школа позвонила мне. Надежда, если ей.

Оксана перевела взгляд на меня.

— Вы согласны?

— Да. И если Артем попросит меня заранее, я напишу вам до получения Лизы, а не после.

— Спасибо.

Артем поправил шланг, который начал сползать по стене.

— Я собирался делать так же.

— Хорошо. Но сейчас это сказала Надежда.

В ее голосе не было ревности. Она проверяла не меня как женщину рядом с бывшим мужем, а порядок доступа к дочери. Я понимала эту разницу и не собиралась ее усложнять.

— Мой номер у вас есть, — сказала я. — Если Лиза расскажет о ситуации, о которой вы не знали, звоните мне напрямую.

— Позвоню. И вы звоните, если она попросит скрыть от меня что-то важное.

— Если это касается безопасности или расписания. Личную переписку девочки я пересказывать не буду.

Оксана впервые улыбнулась.

— Справедливо.

Она попрощалась и пошла к лифту. Артем дождался, пока двери закроются.

— Вы с ней договорились быстрее, чем мы вчера.

— Она задавала вопросы, на которые можно ответить.

— Я тоже задавал.

— Вы спрашивали про пластырь и воду.

— Проверял прочность системы.

— Система выдержала.

Я выбросила мусор и вернулась. Когда лифт снова поднялся, Артем уже убрал пылесос и помогал Лизе раскладывать вещи. Их дверь оставалась приоткрыта, и девочка рассказывала, как провела выходные с матерью. Я вошла к себе и отметила в календаре, что разговор с Окса-

ной состоялся. Не потому, что собиралась отчитываться, а чтобы через месяц не вспоминать, кто и что сказал на лестничной площадке.

В понедельник мы пришли в школу к восьми. Светлана Андреевна встретила нас у кабинета и выдала два одинаковых бланка.

— Пишете полное имя, паспортные данные, телефон и срок разрешения, — объяснила она. — Можно до конца года, можно на четверть. При получении ребенка взрослый показывает документ и расписывается в журнале. Если вы отменяете разрешение, сообщаете письменно.

— Нотариальная доверенность не нужна? — спросил Артем.

— Для нашего порядка передачи из группы достаточно заявления родителя. Это не опека и не право решать другие вопросы за ребенка.

— Именно так мы и понимаем, — сказала я.

Артем посмотрел на мой заполненный лист.

— До тридцать первого декабря?

— Один семестр. Потом оценим, работает ли система.

— У меня так же.

Мы подписали заявления. Светлана Андреевна проверила данные и убрала листы в папку группы.

— Теперь официально можете выручать друг друга, — сказала она.

— Получать детей по согласованию, — поправила я.

— Надежда Викторовна, вы даже добрые слова переводите в инструкцию.

— Так меньше недоразумений.

Артем взял у меня ручку и вернул колпачок на место.

— Не спорьте. Я пробовал.

Мы вышли из школы вместе. У ворот он свернул к парковке, я пошла к трамваю. Ничего в нашей жизни не изменилось внешне: две квартиры, два рабочих маршрута, двое детей, которые уже спорили в классе о зеленом карандаше.

В музее Зоя встретила меня у служебного входа с тремя вариантами текста для вводной панели выставки.

— Первый короче, второй точнее, третий просил директор, — сказала она. — Я выбираю второй.

Я взяла листы.

— Почему не первый?

— Потому что в нем написано, что район начали застраивать в семьдесят втором. Первые дома сдали в семьдесят первом.

— Источник?

— Городской архив, фонд сто восемнадцать, опись четыре. Копия в папке.

Я уже собиралась сказать, что проверю, но вспомнила пятничную приемку. Зоя закончила ее без меня и не пропустила ни одного кадра.

— Тогда ставим второй. Отправь корректору и предупреди дизайнера, что объем увеличился на двести знаков.

Она не ушла.

— Без вашей проверки?

— Ты проверила источник?

— Да.

— Значит, без моей.

— Записать дату и время исторического события?

— Не издевайся.

— Даже не начинала.

Зоя забрала листы и пошла в свой кабинет. Я открыла рабочую почту. Среди писем от подрядчиков было автоматическое сообщение из школьной системы: контактное лицо добавлено в карточку Кости до тридцать первого декабря.

Я сохранила уведомление в папку документов и вернулась к смете освещения. Разрешение работало только на один понятный случай. Артем не получал доступа ни к медицинской карте, ни к оценкам, ни к решениям о поездках. От этого знания было спокойнее.

И все же я дважды открыла школьное письмо, прежде чем перестала проверять, правильно ли написаны его имя и номер телефона.

Но теперь в школьной папке лежал лист, на котором рядом с именем моего сына было написано имя Артема Лаврова.

В четверг в четыре сорок восемь мне позвонила Светлана Андреевна.

— Надежда Викторовна, добрый день. Вы сегодня можете забрать не только Костю, но и Лизу?

Глава 3. Чужая дочь за моим столом

— Могу, — ответила я Светлане Андреевне. — Кто из родителей Лизы уже подтвердил?
— Артем Михайлович. Он на встрече за городом, будет не раньше половины восьмого. Маме Лизы дозвониться пока не удалось.

— Я напишу Оксане сама. Во сколько нужно забрать детей?

— Группа работает как обычно. Просто Артем Михайлович попросил решить вопрос заранее.

Заранее. В понедельник мы внесли его в правила, и уже в четверг он ими воспользовался.

— Заберу обоих в шесть пятнадцать.

— Спасибо. Запишу.

Я завершила звонок и открыла общий чат.

«Школа связалась со мной. Сегодня в 18:15 забираю Костю и Лизу, идем ко мне. Артем планирует приехать к 19:30. Оксана, подтвердите, пожалуйста, что увидели».

Артем ответил первым: «Спасибо. Выехать смогу примерно в 18:40, дорога по навигатору 45–55 минут. Если время изменится, напишу».

Через четыре минуты появилась Оксана.

«Увидела. Я на собеседованиях до семи и не могла взять телефон. Лиза ела в школе, но после шести обычно снова голодная. Ограничений по еде нет».

Я написала, что ужин будет в половине седьмого, и убрала телефон.

Зоя сидела напротив меня за длинным столом переговорной. Мы разбирали последовательность монтажа первого зала. На экране висел план: семь витрин, три настенные панели, две точки для звука и временная перегородка, которую подрядчик предлагал поставить раньше пола.

— Семейная логистика? — спросила она.

— Школьная.

— Это новый уровень таблиц?

— Пока один общий календарь.

— Сколько участников?

— Четыре родителя.

Зоя медленно закрыла маркер колпачком.

— Ты вступила в родительский кооператив?

— Я добавила соседа в список взрослых, которые могут забрать Костю.

— Того высокого из восьмидесят пятой?

— Ты видела его один раз.

— Этого хватило, чтобы запомнить рост и номер квартиры. Я не составляла биографию.

— Хорошо.

— Он женат?

— Разведен. Это не имеет отношения к школе.

— Разумеется.

Она вернула взгляд к плану, но уголок ее рта выдавал, что разговор для нее не закончен.

— Если перегородку поставят первой, — сказала я, — мы не проведем тележку с шестой витриной. Меняем порядок: сначала пол, потом витрины четыре, пять и шесть, после них перегородка.

— Подрядчик просит сутки на крепление.

— Пусть начинает с правой стороны и оставляет проем. Я поговорю с ними.

— Могу я?

— Что именно?

— Поговорить с подрядчиком. Я веду монтаж этой зоны.

Вопрос был задан спокойно, но продолжал наш понедельничный разговор. Зоя хотела не только выполнять часть задач. Ей требовалось право договариваться в пределах своей части и отвечать за результат.

— Можешь. Зафиксируй ширину прохода и пришли мне итог, не весь разговор.

— Поняла.

— И если они откажутся, не обещаю доплаты до проверки сметы.

— Я знаю.

— Знаешь, — сказала я раньше, чем она успела снова назвать меня по имени и отчеству.

Мы закончили в пять сорок. Я могла бы остаться еще на час, но закрыла ноутбук и перенесла проверку подписей на утро. Решение не нравилось мне по привычке, а не по существу. Срок позволял. Зоя оставалась до шести и должна была получить ответ подрядчика.

До школы я доехала без задержки. В журнале рядом с фамилией Лизы уже стояла пометка о звонке Артема. Марина Юрьевна сверила мой паспорт, хотя видела его данные в заявлении, и только после этого позвала детей.

— Надежда Викторовна, а можно мы зайдем в магазин? — спросила Лиза, надевая куртку.

— Зачем?

— Нужна синяя бумага для воды.

— Сегодня идем домой. Бумагу купим после того, как согласуем материалы и бюджет проекта.

— Нам один лист.

— Тогда сначала проверьте, нет ли у Кости дома.

Костя застегнул рюкзак.

— Есть голубая.

— Голубая не подходит, — сказала Лиза. — Вода синяя.

— Вода прозрачная.

— На плане синяя.

— Можно покрасить белую.

— Карандашом будут полосы.

Я расписалась в двух строках журнала.

— Дома посмотрите материалы и выберите. Если ничего не подойдет, внесем бумагу в список.

По дороге Лиза дважды спрашивала, далеко ли Артем. Я отвечала по последнему сообщению: встреча закончилась, он выезжает в шесть сорок. В третий раз она достала собственный телефон и сама открыла семейный чат.

— Папа не написал мне.

— Он написал взрослым, которые отвечают за сегодняшний вечер.

— Но ждать мне.

— Тогда напиши ему, что хочешь получать время напрямую.

Она набрала сообщение на ходу. Костя заглядывал в экран, пока Лиза не повернула телефон к себе.

— Это мое.

— Я только смотрел, сколько осталось.

— У тебя есть мама, спроси ее.

— По последнему расчету сорок пять минут, — сказала я. — Телефоны уберите до дома.

У подъезда Лиза получила ответ и сразу прочитала вслух:

— «Согласен. Буду писать тебе тоже. Сейчас сорок две минуты без учета парковки».

Видишь? Он понял.

- Вижу, — ответил Костя. — Только это ты поняла, потому что я сказал посмотреть.
- Я и без тебя знала.

Дома дети разулись. Лиза положила рюкзак возле обувной полки, вспомнила и переставила на свободное место, чтобы не мешал проходу. Я показала ей, где ванная, выдала отдельное полотенце для рук и предложила два варианта ужина: гречка с курицей или омлет с овощами.

- А макароны есть? — спросила она.
- Нет.
- Папа сказал, можно заказать пиццу, если вам неудобно готовить.
- Мне удобно. Пиццу сегодня не заказываем.
- Я не люблю гречку.
- Тогда омлет.
- В нем перец?
- Могу сделать без перца.
- А помидоры?
- Отдельно.

Лиза подумала и кивнула.

- Омлет без перца. Помидоры можно.

Костя открыл холодильник.

- А мне курицу.
- Закрой холодильник и вымой руки.

Пока я разогревала ужин, дети разложили на кухонном столе схему. Голубая бумага действительно оказалась слишком светлой для замысла Лизы. Костя принес белый лист и провел на нем несколько линий синим карандашом.

- Полосы, — сказала Лиза.
- Если штриховать в одну сторону, будет нормально.
- На воде нет полос.
- На схеме есть.
- Почему ты решаешь за воду?
- Я не за воду. Я за схему.

Я поставила перед ними тарелки.

- Сначала ужин. Бумагу уберите, чтобы не испачкать.

Лиза перенесла листы на подоконник и позвонила матери. Я слышала только ее часть разговора.

- Мам, я у Кости... Да, папа написал... Нет, все нормально... Омлет... Нет, я сама выбрала... Да... Хорошо.

Она протянула телефон мне.

- Мама хочет с вами.
- Добрый вечер, — сказала Оксана. — Все в порядке?
- Да. Мы дома. Лиза выбрала омлет без перца, сейчас ужинаем.
- Она иногда говорит, что не ест ничего, кроме макарон. Это проходит, если дать ей

выбор из того, что уже есть.

Я посмотрела на Лизу. Она слышала разговор и делала вид, что занята помидором.

- Мы так и поступили.
- Спасибо. Артем написал, что едет. Если задержится после восьми, я смогу приехать сама.

- Хорошо. Он обещал сообщить в семь пятнадцать.
- Тогда ждем.

Она попрощалась без лишних вопросов. Я вернула телефон Лизе.

- Мама проверяла? — спросил Костя.

— Она хотела знать, все ли нормально, — ответила Лиза. — Это другое.

— Моя тоже проверяет.

— Я не проверяю, — сказала я. — Я уточняю факты.

Костя усмехнулся.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего.

После ужина дети решили не приклеивать воду до покупки бумаги. Вместо этого они составили список того, что должно быть во дворе: дорожка без ступеней, скамейка со спинкой, дерево, место для велосипедов, урна и парковка. Лиза добавила площадку для собак. Костя потребовал указать, кто будет ее убирать.

— Мы строим двор, а не нанимаем дворника, — возразила она.

— Если никто не убирает, там будет грязно.

— Тогда напишем, что убирает управляющая компания.

— Ей надо платить.

— Все взрослые платят.

Они посмотрели на меня.

— Не все решения можно уместить в один макет, — сказала я. — Выберите, что именно хотите показать.

— Чтобы всем было удобно, — ответила Лиза.

— Всем сразу не бывает, — сказал Костя.

— Бывает лучше, чем сейчас.

Он задумался и записал эту фразу в верхней части листа. Я не поправила формулировку. Для конкурсного названия она была слишком разговорной, но пока это был их рабочий лист.

Лиза потянулась за ластиком и задела локтем стакан. Вода разлилась по столу и дошла до нижнего края схемы раньше, чем я успела поднять лист.

— Я же сказала убрать бумагу от ужина! — крикнула она.

— Ты сама поставила стакан, — ответил Костя.

— Я поставила далеко.

— Недостаточно.

— Не трите лист, — сказала я. — Костя, возьми полотенце с батареи. Лиза, подними карандаши.

Они замолчали и сделали, что я просила. Я промокнула воду по краю стола, не касаясь мокрой бумаги. Зеленая линия дорожки сохранилась, а синяя штриховка расплылась у самого края.

— Все испорчено, — сказала Лиза.

— Не все. Нижнюю часть придется перерисовать после высыхания.

Костя принес второе полотенце.

— Я могу обвести на новом листе.

— Почему ты? — спросила Лиза.

— Потому что ты разлила.

— Значит, я и обведу.

— Ты торопишься.

— А ты будешь два часа мерить каждую клетку.

Я поставила мокрый лист на свободную сушилку для посуды, закрепив верхний край двумя чистыми прищепками.

— Сейчас никто не обводит. Сначала сделайте фотографию того, что сохранилось, и отметьте, какую часть надо восстановить. Потом решите, кто проводит линии, а кто проверяет размеры.

— Можно просто попросить папу распечатать копию, — сказала Лиза.

— У него нет файла, — возразил Костя.

— Он сфотографирует и сделает.

— Тогда это будет его.

Лиза нахмурилась.

— Я не хочу, чтобы было его.

— Поэтому делаем сами.

Они сфотографировали схему сверху. На этот раз Лиза проверила, вошли ли все края. Костя открыл новый лист и поставил две контрольные точки, но дальше не продолжил.

— Завтра, — решил он. — Когда старый высохнет.

— Хорошо, — согласилась Лиза. — Я буду обводить, ты проверять. Только не стирай сразу, сначала скажи.

— Если криво, скажу.

— Не «криво», а где именно.

Я собрала мокрые полотенца. Они договорились без моего окончательного решения, и мне оставалось не улучшать договор за них.

В семь Павел позвонил Косте. Сын включил громкую связь, потому что одновременно складывал карандаши.

— Как школа? — спросил Павел.

— Нормально. Мама забрала нас с Лизой. Она сейчас у нас.

— Почему мама забрала Лизу?

— Артем Михайлович задерживается. Мы же сделали заявления.

Павел помолчал. Я продолжила протирать стол, хотя он уже был сухим.

— Тебе нормально, что она у вас?

— Да. Мы схему залили, но не всю.

— Что залили?

— Водой. Случайно. Мы уже решили.

— Мама не ругалась?

— Она сказала не тереть лист.

— Правильно сказала.

Я посмотрела на телефон. Павел задавал сыну вопрос не только о Лизе. Он проверял новую систему через Костю, потому что спросить меня прямо было труднее.

— Павел, — сказала я, — Лизу передали мне по заявлению. Оксана и Артем получили сообщение. Ужин согласован, Артем едет.

— Я слышу. Просто спрашиваю сына, как он.

— Тогда не нужно делать это так, словно он должен оценить решение взрослых.

Костя перестал складывать карандаши. Я пожалела о фразе сразу, но забирать ее назад при нем было поздно.

— Мам, он просто спросил, — сказал сын.

— Хорошо. Продолжайте.

Павел изменил тему и рассказал, что в субботу хочет отвезти Костю в мастерскую при техническом музее. Костя оживился, уточнил время и напомнил о проекте.

— До обеда позанимаемся, потом поедem, — предложил Павел.

— А можно Лизу?

— Это нужно спросить у ее родителей.

Лиза сразу подняла руку, будто они были на уроке.

— Я хочу.

— Мы спросим Артема и Оксану, когда будет понятен план, — вмешалась я. — Не сегодня.

Павел попрощался. После звонка Костя посмотрел на меня.

— Папа не хотел ничего плохого.

— Я знаю. Я ответила резче, чем нужно.

— Ты ему скажешь?

— Напишу сейчас.

Я отправила Павлу: «Извини за резкость при Косте. Ты вправе спрашивать, как он. В следующий раз давай вопросы о договоренности сначала друг другу».

Ответ пришел не сразу: «Согласен. Я тоже сформулировал плохо».

Костя прочитать сообщение не просил. Он снова занялся карандашами, и я не стала сообщать ему отчет о взрослом примирении.

В семь семнадцать Артем написал, что проехал половину пути и будет через двадцать восемь минут. Лиза прочитала сообщение и перестала спрашивать о времени. В семь сорок три он позвонил в дверь.

Я открыла. Артем стоял с ноутбуком в одной руке и небольшим бумажным пакетом в другой.

— Добрый вечер. Опоздал на три минуты к последнему расчету.

— Парковку вы учли.

— Пришлось поставить машину у соседнего дома. Как все прошло?

— Спросите Лизу.

Дочь вышла в прихожую.

— Я ела омлет без перца, мы решили не брать голубую бумагу, а еще Костя хочет оставить половину парковки.

— Звучит как полноценный вечер.

— Надежда Викторовна не заказала пиццу.

— Это тоже решение Надежды Викторовны.

Он не посмотрел на меня с просьбой оправдаться и не предложил дочери купить другой ужин по дороге домой.

— Собирайся, — сказал он. — Завтра школа.

Лиза вернулась за рюкзаком. Артем протянул мне пакет.

— Это к чаю. Не плата за услугу, а то, что я купил по дороге и теперь не хочу есть один.

Я заглянула внутрь. Четыре маленькие ватрушки.

— У вас дома Лиза.

— Она творог не ест ни в каком виде, кроме вашего омлета, где его, вероятно, не было.

— Не было.

— Значит, я правильно рассчитал.

— Наше правило про обычный ужин не требует компенсации.

— Я помню. Поэтому заранее объяснил, что это не компенсация.

Я взяла пакет. Отказ в такой ситуации превратил бы обычную благодарность в отдельный спор.

— Спасибо.

— Как она себя вела?

Вопрос он задал тихо, пока дети собирали листы на кухне.

— Нормально. Спросила о еде, позвонила матери, спорила с Костей. Ничего, что требовало бы отдельного отчета.

— Она не пыталась заставить вас заказать пиццу?

— Пыталась спросить. Получила два других варианта.

— Хороший способ.

— Обычный.

— Обычные способы часто приходится долго искать.

Лиза вернулась, надела куртку и протянула отцу схему.

— Не комментируй воду. Мы еще не решили.

Артем взял лист за края.

— Не комментирую.

— И парковку.

— Хорошо.

— И название.

— Лиза, тогда зачем ты показываешь?

— Чтобы ты видел, что мы сделали.

— Вижу.

Он вернул лист ей, не прочитав вслух и не предложив исправлений. Я знала, чем он занимается, и могла представить, сколько недочетов заметил за эти несколько секунд. Тем важнее было то, что он промолчал.

У двери Артем задержался.

— В субботу я могу взять детей на два часа, если вам нужно поработать или заняться своими делами.

— Это предложение вернуть долг?

— Нет. У Лизы и Кости общий проект. Они могут заниматься у нас. Вы получите свободное время. Если не нужно, я не настаиваю.

Раньше его фраза закончилась бы готовым временем и планом. Сейчас он оставил решение мне.

— Давайте сначала узнаем расписание Павла. Если Костя свободен, договоримся.

— Подходит.

Они ушли в квартиру напротив. Я закрыла дверь и вернулась на кухню. Костя складывал посуду в посудомоечную машину. Тарелку Лизы он поставил слишком близко к большой миске, я уже протянула руку, чтобы переставить, но остановилась. Вода доставала до обеих. Ничего не мешало.

— Мам, а Лиза может приходить еще?

— Если мы договоримся с ее родителями и у нас будет время.

— Она громкая, но с ней быстрее.

— Что быстрее?

— Решать. Я долго думаю, а она сразу говорит. Потом половину надо убрать, зато есть из чего выбирать.

Я поставила ватрушки в контейнер.

— Похоже на рабочую команду.

— Да. Только ты не рассказывай Артему Михайловичу про двор.

— Почему?

— Он нарисует лучше.

— Он обещал не вмешиваться.

Костя посмотрел на дверь, за которой исчезли соседи.

— Взрослые часто обещают, а потом думают, что чуть-чуть можно.

Я не нашла честного возражения.

— Если он начнет, вы с Лизой ему скажете.

— А ты?

— И я.

Костя удовлетворенно кивнул и ушел собирать портфель. Я осталась на кухне, открыла переписку с Артемом и написала: «Лиза поела, никаких проблем не было. Спасибо, что сообщили время дороги заранее».

Он ответил: «Спасибо, что не сделали вид, будто это ничего не стоило».

Я перечитала сообщение и не сразу поняла, что именно меня остановило. Наверное, точность. Он не называл помощь пустяком и не превращал ее в услугу, за которую теперь нужно рассчитаться.

Я закрыла чат, достала одну ватрушку и отрезала половину для Кости. Остальные убрала до завтра.

Для первого вечера по новым правилам этого было достаточно.

Глава 4. Помощь с измененным адресом

Во вторник Артем должен был забрать детей в половине шестого и привести Костю домой. Я рассчитывала вернуться к шести пятнадцати. В общем календаре стояли адрес, время и два подтверждения.

В шесть двадцать три я открыла дверь пустой квартиры.

На полке не было Костиного рюкзака. В его комнате не горел свет, кроссовки стояли там же, где утром. Я позвала сына, хотя уже понимала, что он не пришел.

Телефон лежал в сумке в беззвучном режиме. На проверке аудиодорожки мы отключали все устройства, способные дать помехи, а после окончания я вызвала такси и не посмотрела на экран.

В семнадцать пятьдесят восемь Артем написал: «Возник срочный вопрос в бюро. Забрал обоих, едем ко мне на работу. Адрес ниже. Дети со мной, рабочая зона для них безопасна. Позвоните, когда освободитесь».

В восемнадцать ноль семь пришло второе сообщение: «Мы на месте. Костя просил передать, что телефон разрядился».

Я нажала вызов. Артем не ответил. Через полминуты я позвонила снова.

— Бюро «Форма дела», администратор Полина, — ответила женщина.

— Добрый вечер. Мне нужен Артем Лавров. Это Надежда Сорокина, мама ребенка, который сейчас находится у вас.

— Артем Михайлович в переговорной. Дети в общей зоне, я их вижу. Передать трубку Косте?

— Да, пожалуйста.

На линии стало тихо, затем раздались шаги.

— Мам?

— Костя, ты в порядке?

— Да. У них тут стул без спинки, но на нем нельзя сидеть. Это образец.

— Артем Михайлович сказал, почему вы не пошли домой?

— Ему позвонили из мастерской. Там ножка не подошла к креплению. Он спросил, можно ли мы поедem с ним. Я сказал, что, наверное, можно, потому что ты на работе.

— Ты не можешь разрешать менять наш план.

— Он написал тебе.

— Я не ответила.

Костя замолчал. Я услышала голос Лизы: она спрашивала, можно ли включить лампу над макетным столом.

— Я сейчас приеду, — сказала я. — Оставайтесь там, никуда не выходите.

— Мы и не собирались.

— Передай Артему Михайловичу, чтобы позвонил мне, как только освободится.

— Хорошо.

Я заказала новую машину. До бюро навигатор показывал двадцать семь минут. Вечерний поток мог увеличить дорогу до сорока.

Пока такси ехало, Артем перезвонил.

— Надежда, добрый вечер. Простите, не мог выйти из разговора. Что случилось?

— Вы изменили адрес без моего согласия.

— Я отправил сообщение сразу после звонка из бюро.

— Сообщение не означает, что я согласилась.

— Вы не отвечали. Я должен был либо оставить детей в группе и опоздать к закрытию, либо взять их с собой. В бюро безопасно, администратор и сотрудники на месте.

— Вы могли дождаться моего ответа. До закрытия группы оставалось больше часа.

— Мастерская остановила работу. Если бы я не приехал, мы потеряли бы день и материалы.

— Это объясняет, почему вам было удобно отвезти детей в бюро. Не объясняет, почему вы решили, что имеете право поменять место.

Водитель посмотрел на меня в зеркало. Я снизила голос.

— Мы обсуждали это в субботу. Домой. Другое место только после согласования.

— Я помню. Посчитал, что сообщение и отсутствие возражения достаточно.

— За двадцать пять минут, когда мой телефон был выключен?

— Нет. Теперь понимаю, что недостаточно.

Он не спорил и не повторял, что дети в безопасности. Я это уже проверила: Костя ответил спокойно, администратор назвала свое имя, адрес совпадал с сайтом бюро. Но сын находился не там, где мы договорились, а я узнала об этом, только вернувшись в пустую квартиру.

— Я еду к вам, — сказала я.

— Хорошо. Я закончу встречу через десять минут и буду ждать в общей зоне.

— Не нужно прерывать работу. Я заберу детей.

— Лизу тоже?

— Если Оксана или вы подтвердите.

— Подтвержу в чате.

Сообщение появилось до того, как мы закончили разговор. Артем написал, что Надежда забирает обоих детей из бюро и ведет домой. Оксана ответила, что увидела. Павел поставил отметку под сообщением, хотя сегодня Костя находился не в его время.

Бюро занимало первый этаж бывшего административного корпуса. На стеклянной двери были только название и часы работы. Никаких огромных фотографий владельца, золотых букв или приемной, устроенной для впечатления клиентов.

Администратор Полина встретила меня у стойки. Ей было около двадцати пяти, на шее висел пропуск, а в руках она держала планшет.

— Надежда Викторовна? Дети там.

Она показала на открытую зону за стеклянной перегородкой. Костя и Лиза сидели за широким столом. Перед ними лежали картон, линейки и несколько деревянных образцов. На полу желтой линией была обозначена граница, за которую они не заходили. Дальше находились верстаки и закрытые станки.

Артем стоял в переговорной вместе с тремя сотрудниками. Он был без пиджака, в очках, одной рукой держал металлическое крепление, второй показывал на чертеж. Через стекло слов не было слышно. Молодой мужчина напротив записывал размеры, женщина у экрана листала фотографии прототипа.

Костя заметил меня и поднялся.

— Мы ничего не трогали без разрешения.

— Я вижу. Собирай вещи.

— Можно показать стол?

— Быстро.

Он подвел меня к деревянному образцу без обивки. Это была не готовая мебель, а часть конструкции: сиденье, две боковые опоры и пустое место, где должна была крепиться спинка.

— Вот эта ножка не подошла, — объяснил Костя. — Отверстия на два миллиметра не там.

— Откуда ты знаешь про два миллиметра?

— Полина сказала.

Администратор подтвердила:

— Они спросили, почему всех срочно вызвали. Я показала только безопасный образец, без инструментов.

— Спасибо.

— Артем Михайлович предупредил, что дети остаются в общей зоне. Я была здесь все время.

Организация была разумной. Желтая граница, выключенные станки, взрослый рядом, отдельный стол. Артем не привез детей в производственный цех и не оставил одних в кабинете. Чем яснее я это видела, тем точнее становилась моя претензия. Он сделал почти все правильно, кроме единственного действия, которое не мог решить за меня.

Лиза убрала карандаши в рюкзак.

— Папа скоро закончит.

— Он написал, что ты идешь с нами.

— А можно дождаться?

— Можно, если он подтвердит новое время и ты хочешь остаться. Я пришла забрать Костю.

Лиза посмотрела через стекло. Артем продолжал совещание.

— Я пойду с вами. Костя обещал показать синюю бумагу.

— Мы ее еще не купили, — напомнил сын.

— Тогда голубую.

Я вызвала такси и указала, что едем с двумя детьми. Пока машина приближалась, Артем закончил разговор. Сотрудники вышли первыми. Молодой мужчина остановился у Полины, чтобы передать исправленный чертеж, женщина попрощалась с детьми. Никто не выглядел человеком, которого владелец заставил срочно изображать безопасный семейный офис.

Артем подошел ко мне.

— Дайте пять минут, я отвезу вас.

— Машина уже заказана.

— Отмените, я оплачу.

— Не нужно. Я приехала на такси и уеду так же.

Он посмотрел на экран моего телефона. До подачи оставалось четыре минуты.

— Тогда я провожу до машины.

— Сначала поговорите с Лизой. Она решила ехать с нами.

Артем присел рядом с дочерью.

— Ты точно хочешь идти к Косте? Я освобожусь минут через пятнадцать.

— Хочу. Мы дорисуем воду.

— Хорошо. Напиши мне, когда войдете в подъезд.

— Надежда Викторовна напишет.

— Я прошу тебя.

Лиза кивнула. Артем выпрямился.

— Полина, спасибо. Завтра обсудим, как изменить карточку вызова мастера. Если прототип останавливает производство, сначала пишут Тимуру и мне одновременно, а не ждут, пока один из нас ответит.

— Я передам мастеру, — сказала она.

Даже сейчас он менял систему, из-за которой сам оказался в срочной ситуации. Мне было бы проще сердиться, если бы он действовал беспечно. Но Артем умел замечать проблему, принимать решение и обеспечивать безопасность. Его ошибка состояла в уверенности, что этого достаточно.

На улице дети отошли к краю тротуара, где не мешали посетителям. Артем остановился рядом со мной.

— Вы правы, — сказал он. — Мы договорились о доме. Я изменил место без подтверждения.

— Да.

— Я исходил из того, что вы увидите сообщение и возразите, если не согласны.

— Вы переложили на меня обязанность остановить уже принятое решение.

— Теперь понимаю.

— Только теперь?

— В момент звонка я думал о производстве, двух детях и времени закрытия группы. Выбрал решение, которое закрывало все три вопроса. Ваше согласие посчитал еще одним сообщением, а не условием.

Он говорил без защиты и не пытался сократить разговор извинением. Я могла принять объяснение, не соглашаясь с поступком.

— Если ситуация повторится, что вы сделаете?

— Напишу вариант и дождусь ответа. Если времени нет, оставляю детей в школе и решу работу удаленно либо отправлю Тимура. Если школа закрывается и ни один родитель недоступен, заберу детей домой, потому что этот адрес согласован.

— Хорошо.

— Вы хотите отозвать разрешение?

Я посмотрела на него. Вопрос был прямым. Ни обиды, ни упрека за то, что после одного вечера я могу отменить договоренность.

— Нет. Хочу, чтобы она работала так, как мы договорились.

— Будет.

— Это обещание проверится только в следующий раз.

— Я знаю.

Такси подъехало к тротуару. Артем открыл заднюю дверь, дождался, пока дети сядут и пристегнутся, затем закрыл ее. Я села впереди.

— Напишите, когда будете дома, — сказал он.

— Лиза напишет вам сама.

Он кивнул и отступил от машины.

В дороге дети обсуждали мастерскую. Костя рассказывал о креплении, Лиза — о прозрачной панели, которую видела в коридоре. Я слушала и проверяла, не выдали ли им опасные инструменты или служебную информацию. По их словам, они сидели за столом, рисовали и один раз ходили в туалет с Полиной. Артем привез им воду и печенье в закрытых упаковках.

— Он спросил, можно ли печенье, — сказал Костя.

— У кого?

— У меня. Я сказал, что можно.

— В следующий раз он спрашивает у меня.

— Но я же знаю, что у меня нет аллергии.

— Дело не только в аллергии. Ты мог уже поесть, у нас мог быть другой план на ужин.

— Одно печенье не меняет ужин.

— Сегодня не изменило. Правило остается.

Лиза повернулась к нему.

— Папа всегда дает печенье, когда у него встреча. Чтобы мы не мешали.

— Я не мешал.

— Я тоже. Но печенье все равно дали.

Дети рассуждали о случившемся как о новом месте после школы. Для меня значение было другим, и я не собиралась заставлять их разделять мою тревогу.

Дома Лиза сразу отправила отцу сообщение. Я написала в общий чат, что оба ребенка у меня и поели в бюро только печенье. Оксана ответила, что заберет Лизу в восемь, потому что освободилась раньше. Артем подтвердил.

Костя поставил рюкзак на полку и остался в прихожей.

— Мам, я неправильно сказал, что нам можно ехать?

— Ты ответил так, как понял ситуацию. Решение должен был принять взрослый.

— Артем Михайлович спросил, и я сказал «наверное». Это не «да».

— Верно. Если взрослый спрашивает тебя о том, что согласовывает родитель, можно ответить: «Позвоните маме или папе».

— А если вы не отвечаете?

— Тогда действует последний план. Сегодня вы остались бы в школе до моего приезда или пошли бы домой, потому что дом мы согласовали заранее.

— Но у него сломался стул.

— Не стул. Производственный образец.

— Все равно надо было срочно.

— Для работы Артема — да. Но его рабочая срочность не давала ему права менять твой адрес без ответа.

Костя прислонился плечом к шкафу.

— Ты теперь уберешь его из списка?

— Нет.

— Почему? Ты же сердисься.

— Потому что он понял, в чем ошибся, и сказал, как поступит в следующий раз. Одной ошибки пока недостаточно, чтобы вычеркивать его из списка.

— А если опять сделает?

— Тогда будем решать по результату. Сейчас разрешение остается.

— Хорошо.

Он пошел на кухню. Я задержалась у шкафа. Костя боялся не того, что его отвезли в незнакомое место. Он боялся, что одна ошибка взрослого сразу уничтожит новую часть его жизни: возможность уйти из школы с Лизой, заниматься проектом и не ждать в группе до закрытия. Я не хотела учить сына терпеть нарушение ради удобства. Но и другой урок, в котором любой промах навсегда лишает человека доверия, был не лучше.

На кухне Лиза держала синюю бумагу рядом с высохшей схемой.

— Эта темнее, чем надо, — сказала она.

— Зато без полос, — ответил Костя.

— Можно вырезать только реку, а дорожку оставить голубой.

— У нас нет реки.

— Тогда пруд.

— Откуда во дворе пруд?

— Мы можем придумать.

— В настоящем дворе нет места.

Я поставила на стол кувшин с водой, но стаканы отодвинула на отдельную тумбу. Дети заметили и засмеялись.

— Это из-за схемы, — сказала Лиза.

— Это потому, что бумага и вода на одном столе уже встречались, — ответила я.

— Мама всегда так, — сообщил Костя. — Если один раз что-то случилось, потом появляется правило.

— Полезное правило, — заметила Лиза и взяла стакан с тумбы.

— Пока вы помните, зачем оно появилось.

— А потом?

— Потом проверяем, еще нужно или уже мешает.

Я услышала собственные слова и поняла, что говорю не только о стаканах. Костя тоже посмотрел на меня, но уточнять не стал.

— Значит, бумагу не успеем, — сказала Лиза.

— Успеем посмотреть, — ответил Костя. — Приклеивать сегодня все равно нельзя.

Они занялись схемой. Я приготовила рис и овощи, достала курицу, но есть никто не захотел. В половине восьмого Оксана написала, что стоит у подъезда. Я спустилась вместе с Лизой.

— Как прошло? — спросила она, когда дочь села в машину.

— Дети были в бюро Артема. Он изменил адрес без моего подтверждения. Сейчас мы это обсудили.

Оксана перестала убирать сумку с переднего сиденья.

— В бюро? Почему мне никто не написал?

— Артем написал в общий чат в шесть тридцать, после моего звонка. До этого сообщение было только мне.

Она открыла чат и быстро пролистала.

— Вижу.

— Дети находились в безопасной общей зоне с администратором. Я забрала их около семи.

— Я не спрашиваю, безопасное ли у него бюро. Я знаю, где он работает. Мы договорились сообщать всем одновременно.

— Да. Сегодня этого не произошло.

Лиза опустила стекло.

— Мам, мы ничего не трогали. И я сама захотела к Косте.

— Я не ругаю тебя. Пристегнись, пожалуйста.

Девочка подняла стекло и взялась за ремень. Оксана посмотрела на меня.

— Спасибо, что сказали прямо.

— Лучше обсудите детали с Артемом. Я могу сообщить только то, что видела и что он написал мне.

— Обсужу.

Она села за руль. Я отошла от машины и дождалась, пока Оксана выедет со двора. В разговоре не было ни одного обвинения в адрес меня, но стало понятно, как быстро ошибка Артема затронула всех. Я разрешила ему получить Костю. Оксана разрешила мне получить Лизу. Ни одна из нас не соглашалась узнавать маршрут детей после того, как он изменился.

К девяти Костя лег спать. Я закончила рабочие письма, проверила календарь и получила сообщение от Артема.

«Поговорил с Оксаной. Моя ошибка: должен был написать в общий чат до выезда и дожждаться подтверждения. В следующий раз адрес не меняю без ответа. Простите за сегодняшний вечер».

Я ответила: «Принято».

Через минуту он написал: «Это принято извинение или информация?»

Я посмотрела на его дверь через прихожую, хотя между нами были две стены и лестничная площадка.

«Извинение. Разрешение остается».

Ответа не было несколько минут. Потом пришло: «Спасибо. Спокойной ночи».

Я не любила, когда после нарушения границы меня благодарили за то, что я не ушла. В этом легко появлялось ожидание награды за терпение. Но Артем не просил забыть случившееся и не называл мой отказ от отмены великодушием. Он уточнил смысл короткого ответа и принял условие.

На следующий день в семь сорок пять он написал в общий чат: «Забираю Лизу после школы сам. Костю не беру, если отдельной просьбы не будет. После школы идем домой».

Сообщение не требовало реакции, но я поставила отметку, что прочитала.

В шесть вечера, когда я возвращалась из музея, Артем и Лиза вышли из лифта. Девочка несла синюю бумагу в прозрачной папке.

— Мы купили один лист, — сообщила она. — Папа остался у входа и не выбирал цвет.

— Это было трудно, — сказал Артем.

— Там было пять синих.

— Шесть. Один ты сразу назвала фиолетовым.

— Он был фиолетовый.

Лиза открыла свою дверь и вошла в квартиру. Артем задержался на площадке.

— Сегодня маршрут выполнен без изменений, — сказал он.

— Я видела сообщение.

— Проверка началась?

— Она началась вчера.

— Справедливо.

Он не стал ждать оценки и ушел следом за дочерью. Я открыла свою дверь. Костя был у Павла до восьми, квартира оставалась пустой, но сегодня я знала точный адрес сына и время его возвращения.

Разница казалась простой. На практике ради нее четверем взрослым пришлось изменить привычки.

Глава 5. Город в масштабе

— Главная просьба к родителям: не выигрывайте конкурс вместо детей, — сказала Светлана Андреевна.

В классе стало тише. За первыми партами сидели родители, которым не хватило мест у стены. Остальные стояли между шкафами и подоконниками. Артем оказался справа от меня, Павел подключился к встрече по видеосвязи из гостиничного номера, а Оксана заранее написала, что прочитает итог и обсудит все с Лизой вечером.

На доске висел слайд с названием «Город в масштабе». Городской центр детских проектов приглашал команды третьих и четвертых классов придумать удобное общественное пространство, собрать макет и представить его жюри в ноябре.

— Можно использовать готовые наборы? — спросил отец мальчика из параллельного ряда.

— Базовые детали, крепеж и низковольтные учебные модули можно. Готовый проект нельзя. Полный список разрешенных материалов будет в положении.

— А взрослый может помочь вырезать толстый картон?

— Может выполнить опасную операцию по отметкам ребенка. Но взрослый не выбирает размеры, форму и расположение элементов.

— Как вы это проверите?

Светлана Андреевна открыла следующий слайд.

— У каждой команды будет журнал этапов: дата, решение, фотография и короткое объяснение участника. На финале дети должны понимать, что и зачем сделали. Если жюри сомневается, оно вправе попросить повторить безопасную часть работы.

Артем тихо сказал:

— Разумно.

Я повернула голову.

— Вы уже мысленно выбрали конструкцию?

— Я мысленно оценил правила.

— И конструкцию.

— Возможно.

— Оставьте при себе.

— Я даже не открыл рот.

— Вы успели сказать «разумно».

— Надежда Викторовна, это слово пока не запрещено.

Женщина перед нами обернулась. Мы замолчали.

Светлана Андреевна объяснила календарь. До двадцать первого сентября дети подавали названия команд и темы. К середине октября нужно было представить план и фотографии двух этапов. В конце октября школа проводила внутренний просмотр. Городской финал назначили на четырнадцатое ноября.

— Команда от двух до четырех человек, — продолжила учительница. — Не собирайте детей по принципу «эти родители знакомы». Пусть сначала договорятся сами. Сегодня я дам им задание обсудить идеи, завтра они запишут состав.

На экране телефона Павел поднял руку. Светлана Андреевна включила звук.

— Можно уточнить по поездкам? Финал в городе, без выезда?

— Да, городской выставочный центр. Школа закажет автобус, родители подпишут обычное согласие на организованную поездку.

— Спасибо.

Я отметила дату в календаре. Четырнадцатого ноября музейная выставка уже должна была работать. Основной монтаж завершился пятого, официальное открытие стояло на седьмое. Если подрядчики не сдвинут сроки, конфликтов не будет.

После общих вопросов родители разошлись по темам четверти. Я записала дату контрольной по математике, экскурсию и просьбу проверить сменную обувь. Артем не делал замечаний на бумаге, но в конце сфотографировал доску и сразу внес даты в телефон.

— Вы умеете планировать, — сказала я, когда встреча закончилась.

— Не распространяйте эту информацию. Она разрушит ваш образ человека, который меняет адреса без спроса.

— Одно не отменяет другое.

— Именно поэтому я планирую исправляться по календарю.

Павел все еще оставался на связи. Я взяла телефон со стола.

— Ты услышал даты?

— Да. Костя уже говорил про схему двора. Похоже, они с Лизой используют ее.

— Сначала пусть сами решат.

— Я и не вмешиваюсь. Но в субботу в технической мастерской можно посмотреть материалы.

— Посмотреть можно. Покупать до списка конкурса не нужно.

— Надя, я понял.

К экрану наклонился Артем.

— Добрый вечер. Если дети захотят работать вместе, предлагаю завтра сверить наши графики.

Павел посмотрел на него внимательнее, чем требовалось для обычного приветствия.

— Добрый. Сверим в общем чате.

— Хорошо.

Они попрощались. Я убрала телефон.

— Спасибо, что не предложили Павлу свою мастерскую, материалы и готовый чертеж.

— У меня бюро, а не кружок. И готового чертежа нет.

— Но идея есть.

— Есть. Она останется у меня, если дети не спросят конкретного совета.

— Даже если спросят, правила ограничивают помощь.

— Я присутствовал на том же собрании.

Мы вышли из класса. В коридоре дети ждали родителей после занятия в библиотеке. Лиза увидела нас и подбежала первой.

— Мы с Костей будем командой.

— Светлана Андреевна сказала сначала обсудить, — напомнил Артем.

— Мы обсудили вчера.

Костя подошел медленнее. В руках он держал тетрадь со схемой двора.

— Я сказал, что согласен, если Лиза не будет менять размеры после того, как мы их запишем.

— А я сказала, что согласна, если он не будет стирать без предупреждения, — добавила она.

— Похоже на договор, — сказал Артем.

— У нас еще нет темы, — продолжил Костя. — Просто двор слишком большой.

— Почему большой? — спросила я.

— Там и парковка, и собаки, и детская площадка, и дорожка, и мусор. Мы не успеем все сделать.

— Я предлагала убрать мусор, — сказала Лиза.

— В настоящем городе он не исчезнет.

— Тогда сделать только дорогу от подъезда до остановки.

— Это не двор.

Дети посмотрели на нас, ожидая решения. Артем засунул руки в карманы, словно заранее убрал их от воображаемого макета.

— Какие правила темы? — спросил он.

Костя открыл тетрадь.

— Общественное пространство, которым пользуются разные люди. Надо показать проблему и решение.

— Кто пользуется вашей дорогой от подъезда до остановки? — спросила я.

— Все, кто живет в доме, — ответила Лиза.

— Значит, проверьте, какие у них могут быть трудности.

— Мы можем спросить бабушку, — сказал Костя. — Ей тяжело по лестнице.

— У нас нет лестницы до остановки, — возразила Лиза.

— Есть высокий бордюр.

— Еще зимой скользко.

— И машины закрывают поворот.

Они снова заговорили одновременно. Артем отошел на шаг, пропуская женщину с первоклассником, и ничего не добавил.

— Завтра запишите три проблемы, — сказала я. — Потом выберете одну.

— А макет? — спросила Лиза.

— После темы.

— Всегда сначала тема, — сообщил Костя.

— Не всегда, — ответил Артем. — Иногда сначала появляется наблюдение. Но строить до решения задачи действительно рано.

Я посмотрела на него.

— Это уже совет?

— Это ответ на вопрос.

— Я не спрашивала.

— Зато дети спрашивали про макет.

Костя перевел взгляд с меня на Артема.

— Вы можете не спорить? Мы поняли.

— Можем, — сказала я.

— Уже перестали, — добавил Артем.

По дороге домой дети шли впереди. Мы договорились не обсуждать проект до квартиры, чтобы сначала спокойно перейти две улицы. Лиза пыталась начать три раза, Костя каждый раз напоминал о договоре.

У нашего дома Костя остановился перед въездом во двор.

— Вот тут машина закрывает человека, — сказал он. — Если выходить к дороге, водитель не видит.

— Какого человека? — спросила Лиза.

— Любого.

— Для проекта надо точнее.

Она достала из кармана тетрадь, но писать стоя было неудобно. Артем предложил опереться на спинку скамейки. Сам он не подошел ближе, пока дети не позвали.

Через двор к подъезду шла Валентина Петровна с первого этажа. В одной руке она держала пакет, другой тянула за собой сумку на колесах. Перед бордюром женщина остановилась, поставила пакет на землю и двумя руками подняла сумку.

Лиза посмотрела на Костю.

— Это считается трудностью?

— Спросите у нее, — сказала я.

Дети переглянулись. Костя первым подошел к соседке, поздоровался и объяснил про конкурс. Он говорил слишком быстро, поэтому Валентина Петровна попросила повторить. Во второй раз помогла Лиза: задала один вопрос вместо длинного рассказа.

— Вам удобно идти от дома до остановки?

— Летом терпимо, — ответила соседка. — После дождя у мусорных баков лужа. Зимой приходится обходить по дороге, потому что дворник не всегда успевает расчистить проход.

— А бордюр?

— С сумкой мешает. Без сумки я его пока одолею.

Костя записал ее слова. Артем молча перенес пакет через бордюр, но за ручку сумки не взялся, пока Валентина Петровна сама не попросила.

— А если сделать пологий съезд? — спросила Лиза.

— Тогда детским коляскам тоже будет проще, — сказала соседка. — Только не направляйте его в лужу, как у соседнего дома.

Когда она ушла, дети подошли к въезду и посмотрели, куда стекала вода после дождя. Асфальт был сухим, но темная полоса вдоль края показывала направление.

— Нужен не просто съезд, — сказал Костя. — Надо, чтобы вода уходила в другую сторону.

— И чтобы машина не стояла у поворота, — добавила Лиза.

— Это уже две проблемы, — напомнила я.

— Они связаны одним путем, — возразил Костя. — От двери до остановки.

Из подъезда вышла женщина с коляской. Перед дверью она придержала створку ногой, развернула коляску и только потом спустила передние колеса на ступень. Лиза спросила разрешения и задала тот же вопрос. Женщина показала на тяжелую дверь, высокий порог и узкий проход между ограждением и припаркованной машиной.

— Внутри дома вы ничего менять не сможете, — сказала я, когда мы поблагодарили ее.

— Но можем начинать путь после двери, — ответила Лиза. — И написать, почему выбрали именно это место.

— Это ваше решение? — спросил Артем.

— Пока да, — сказал Костя. — Завтра еще посмотрим дорогу до остановки.

— С разрешения взрослых и не выходя на проезжую часть, — добавила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.